

УДК 341.232.7.(47:481)(091)

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления факультета менеджмента Мурманского института экономики – филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики. Автор 75 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и одного учебного пособия

ПРОФЕССОР ОЛАФ БРОК – «АГЕНТ» РУССКОГО ВЛИЯНИЯ В НОРВЕГИИ? (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия)

Статья посвящена неизвестной странице истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия, связанной с именем профессора-слависта Олафа Брока. Читатель узнает из нее, что Брок тесно сотрудничал с либеральным крылом российского освободительного движения и его лидерами (прежде всего П.Н. Милюковым), а в годы Первой мировой войны активно помогал русской дипломатической миссии во главе с посланником К.Н. Гулькевичем склонить общественное мнение Норвегии на сторону России.

Ключевые слова: история русско-норвежских отношений; культурные, научные и общественно-политические связи в начале XX века; Первая мировая война и русская революция.

Профессор Олаф Брок, норвежский ученый и общественный деятель, прожил длинную, насыщенную событиями жизнь¹. Ныне он известен в Норвегии и России преимущественно как филолог-славист, переводчик, историк, основоположник описательной фонетики славянских языков, заложивший фундамент изучения славянской филологии в Норвегии. Шесть лет назад норвежские коллеги провели специальный симпозиум, посвященный фундаментальному вкладу Олафа Брока в организацию славянских исследований, который носил на-

звание «Столетие славянских исследований в Норвегии»².

У нас в России этого ученого знают гораздо меньше. Вот примечательный факт. Насколько известно, в текущем году исполнилось 100 лет изданию если не самого первого, то во всяком случае одного из первых русско-норвежских словарей³. Он появился на свет благодаря сотрудничеству русского вице-консула в Финнмарке Андрея Кошкина с профессором университета Христиании Бромом. Кажется, что это, по сути, нерядовое событие прошло незамеченным.

Так или иначе, профессора Брока специалисты знают преимущественно как лингвиста. В действительности же круг его интересов был гораздо шире академических «штудий». Брок страстно увлекался общественными делами и политическими вопросами и в конце XIX – начале XX века внес существенный вклад в дело сближения двух наших стран.

Эта сторона его деятельности совершенно выпала из внимания историков. При том, что в «старой России» усилия Брока на пользу русско-норвежских связей были отмечены. В 1901 году по ходатайству российского генерального консульства он был награжден орденом Св. Станислава («Станислав на шею»)⁴. Брок так писал об этом в письме: «Белый царь сделал мне большой сюрприз к Новому году!». Автор не скрывал, что оказанная «любезность» ему приятна, но все же отнесся к этому событию больше с юмором, чем всерьез. Брок связывал награду с хлопотами своего друга, русского консула в Финнмарке В.А. Березникова⁵.

Позже, в Отделении русского языка и словесности Петербургской академии наук по совокупности его научных заслуг ставился вопрос об избрании Брока иностранным членом-корреспондентом. В итоге академия удостоила его избранием почетным членом-корреспондентом в начале декабря 1916 года⁶. И здесь, как мы теперь знаем, не обошлось без содействия со стороны дипломатов. По сведениям самого ученого, усилия к этому приложил посланник в Норвегии К.Н. Гулькевич, который высоко ценил профессора как одного из самых ценных «агентов влияния» России в Норвегии (если понимать термин «агент влияния» без негативной коннотации).

У себя на родине Брока заслуженно считали «русофилом» и знатоком русских дел. Его экспертными услугами нередко пользовалось норвежское правительство. В письмах друзьям Брок не без гордости писал, что в норвежской столице ему дали прозвище «славянского посла в Христиании»⁷ и особенно подчеркивал, что считает Россию «второй родиной». Он даже предпочитал, чтобы в переписке его именовали Олафом Ивановичем.

Брок по разным поводам выступал в норвежской печати со статьями о России и русской политике. Выступал он и с публичными лекциями в Христиании, Бергене и Тронхейме, где его аудиторией были и студенты, и слушатели военной академии, и представители деловых кругов. Наконец, Брок завоевал известность и как переводчик впервые изданных на норвежском языке произведений Л.Н. Толстого (в 1911 – «Анна Каренина») и Ф.М. Достоевского (в 1915 – «Братья Карамазовы»). Сам знаменитый Ф. Нансен был дружен с профессором-славистом и не раз советовался с ним, когда речь шла о России.

Казалось бы, при таких обстоятельствах отечественные и норвежские исследователи не могли обойти вниманием столь значительную для нашей общей истории личность и должны были дать оценку его многогранного вклада в русско-норвежские общественные связи. Парадокс заключается, однако, в том, что его «про-русская» работа в период существования «старой России», а затем эпоху революции ни у нас, ни в Норвегии до сих пор не нашла адекватного освещения и исследовательской оценки.

Это на первый взгляд странное явление имеет свои причины. Главная из них, думается, в том, что Брок, человек прогрессивных, демократических, но отнюдь не революционных убеждений, тесно связал себя с той либеральной Россией, которая в годы революции 1917 года и во время противостояния красных и белых в гражданской войне потерпела жестокое политическое и идейное поражение. В результате она сошла с политической сцены и впоследствии растворилась в эмиграции.

В 1916–1917 годах Брок близко сошелся с российским посланником К.Н. Гулькевичем. Их дружба и сотрудничество еще более окрепли в период гражданской войны, когда стал последним играть заметную роль в «Белом движении». В 1918–1920 годах Брок по совету все того же Гулькевича участвовал в деятельности в Норвегии «Центросоюза» (заграничного союза русских кооператоров, оппозиционного большевикам). Формально это было коммерческое, а не политическое учреждение. Центросоюз,

тем не менее, обладая за границей кадрами специалистов, финансовыми и материальными средствами, экономически обслуживал области, где установилась власть белых – прежде всего на Севере и в Сибири.

После окончания гражданской войны для новой, Советской России Брок другом не стал, да и не мог стать. Власть большевиков и коммунистическая идеология для него, буржуазного демократа и либерала, оставались глубоко чуждыми.

Брок, как многие русские эмигранты с началом нэпа, несомненно, связывал надежды на возвращение России на «цивилизованный» путь. Он в ожидании лучших времен старался сохранить хотя бы научные связи с нашей страной. В 1920-х он дважды приезжал в СССР для работы в архивах, а еще для того, чтобы понять, что происходит в нашей стране. В 1925 году АН СССР избрала Брока иностранным членом-корреспондентом. Но спустя почти четверть века, в 1949-м, – в разгар «холодной войны» – он был с политическим скандалом из нее исключен.

По поводу исключения в записке Агитпропа ЦК КПСС говорилось: «Президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов и академик-секретарь Академии Н.Г. Бруевич просят разрешения внести на рассмотрение ближайшего общего собрания Академии наук СССР вопрос о лишении звания члена-корреспондента АН СССР норвежского ученого Олафа Брока за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность. Предложение президиума Академии наук следовало бы принять. В последнее время Олаф Брок начал сотрудничать в реакционной газете “Моргенбладет” <...> По заданию редакции <...> Олаф Брок в антисоветском духе комментирует статьи из советских газет и журналов, а также правительственные решения, выступления советских государственных деятелей и ученых. В одной из статей Брок скорбит о “погибшей” демократии в Чехословакии...»⁸.

Нетрудно догадаться, что после таких событий для советских историков и научных изданий фигура О. Брока оказалась надолго

табуирована. Настоящий очерк – попытка до некоторой степени восполнить пробел, опираясь на впервые вводимые в оборот источники. К ним прежде всего относятся письма Олафа Брока его коллеге и другу, большому русскому ученому академику А.А. Шахматову⁹, а также письма Броку К.Н. Гулькевича (1916–1923), хранящиеся в личном фонде профессора в Национальной библиотеке в Осло¹⁰. В Отделе рукописей РНБ выявлена рукопись статьи Брока, написанной весной 1917 года и посвященной его другу и учителю – академику Шахматову. Предназначенная для газеты, она так и осталась неопубликованной¹¹.

Наиболее интересна переписка с А.А. Шахматовым, которая охватывает 30-летний период (с 1889 по 1919 год) и служит свидетельством тесного сотрудничества и трогательной дружбы этих двух замечательных людей. Общий объем писем составляет свыше 450 листов. Часть переписки выполнена на почтовых открытках. Однако автор покрывал их столь бисерным почерком, что умудрялся таким образом вмещать целые послания.

Жизненный путь Олафа Брока был во многом предопределен его происхождением. Родился он в зажиточной семье. Отец его был торговцем и владел пивоварней. В 1885 году Брок успешно окончил в Христиании престижную, элитарную кафедральную школу (основана в 1153 году)¹². После этого по настоянию отца он отправился в Россию. «Летом 1887, – писал он в воспоминаниях, – я приехал в Москву для изучения русского языка». Рекомендации дал профессор Упсальского университета Лундель. Новые учителя и друзья Корш, Слуцкий и Фортунатов тепло приняли молодого норвежца. Они же познакомили его с А.А. Шахматовым (которому дали прозвище «наш enfant phenomenalen»). Алексей Александрович был старше Брока всего на 3 года, и это помогло им сблизиться. Настолько, что А.А. Шахматов в 1891 году пригласил молодого норвежца к его неопишуемой радости погостить летом в свое саратовское имение Губаревку. Здесь Брок, по его собственным словам,

стал другом всей большой семьи Шахматовых и получил возможность «узнать такие стороны русской жизни, которые лишь в редких случаях удается наблюдать иностранцу»¹³. В саратовской деревне, по его собственным словам, он наслаждался красотой степной природы, наблюдал народные обычаи. Особенно сильное впечатление произвели на него тогда, как он позже писал, задушевные «беседы с умнейшим и добрейшим другом под ясным солнцем и высоким небом Саратовского края. И все это в самый впечатлительный период молодых лет!»¹⁴.

Вернувшись на родину и закончив в 1893 году университет, Брок решил посвятить себя изучению славянских языков. В Лейпциге, куда он поехал, чтобы продолжить образование, его учителем стал известный профессор-славист Лескин, а в Вене его научной работой как наставник руководил крупный ученый академик Ягич. У них Брок специализировался как фонетист и диалектолог. После 1895 года молодой филолог-славист успешно выполнил ряд научных исследований, публикация результатов которых в академических изданиях в Германии и в Австрии сделала его имя известным в научном мире. Признание способствовало тому, что в 1902 году Брока пригласила к сотрудничеству Петербургская академия наук. Отсюда берут начало его полевые исследования и академические публикации в России.

Столь успешное начало научной карьеры позволило Броку в родном университете (в Христиании) выдвинуться на роль ведущего специалиста по славянским языкам. В 1900 (в 33 года!) он получил профессорскую кафедру славянских языков, которую занимал до своей отставки в 1937 году.

Нужно подчеркнуть, что Брок обладал столь живым гражданским темпераментом, что никак не мог ограничиться узко-академическими занятиями и кабинетной работой. Как типичный представитель скандинавского склада личности и образа мышления, он считал «долгом каждого мыслящего человека хоть до известной степени знать и заниматься общественными вопросами»¹⁵. Взгляды Брока как

защитника свободы личности, равенства гражданских и политических прав, классового мира и социальных реформ были близки партии «венстре». Революционером Брок ни в коем случае не являлся. Его либерализм был умеренного, реформаторского толка.

Как общественного деятеля и как «русофила», Брока увлекла мечта по мере своих скромных сил содействовать победе вновь поднимавшегося с 1890-х освободительного движения в России. Он полагал, что трансформация («перемена системы правления в России») станет именно тем решительным средством, которое откроет дорогу сближению Норвегии и России, чему он искренне и с радостью желал посвятить свою жизнь.

Как и многие на Западе, Брок был убежден, что самодержавно-полицейский режим в России «лежит кошмаром не только над добрым, прекрасным русским народом», но вызывает неприятие всей либеральной Западной Европы, в т. ч. «маленьких северных народов», чье развитие он задерживает и угнетает. (Речь, конечно, в данном случае шла более всего о Финляндии). Преодолеть это препятствие к сближению с Европой поможет лишь слом «старого режима» в результате победы освободительного движения в самой России.

В А.А. Шахматове Брок видел не только друга, но и единомышленника, человека прогрессивных взглядов. Когда в России в 1902 году впервые поднялась волна массовых народных выступлений, он в письмах стал все чаще касаться вопросов общественной жизни и политики. Так, в августе он взволнованно писал: «По-моему в России совершается не только переход, но, пожалуй, почти перелом в политическом отношении»¹⁶. С этих пор наша страна вызывала в Норвегии все больший общественный интерес. Брок в эти дни охотно откликался на злобу дня и сделал в университете доклад для студентов «о студенческом движении и беспорядках в России»¹⁷.

Русско-японская война еще более подняла в норвежском обществе спрос на знания экспертов о «загадочной» России. Брок так описал

ситуацию Шахматову. Война, писал он, «делает всякие познания о России, всякие сообщения из русских газет актуальным и ценным товаром. А так как я давно уже, как вы знаете, привык при надобности употреблять свое перо и в газетах, то с яростью начал писать, пишу отчаянно: свои впечатления, мнения русских и т. д. Жертвуя своим временем, на несколько дней служу “горшком и сковородкой” у одного редактора...»¹⁸.

Брок с радостью отметил тот факт, что разраставшееся движение уже выдвинуло в России плеяду энергичных вождей либерального лагеря – «отличных деятелей по общественным делам». Для него таковыми стали прежде всего представители цензовой либеральной интеллигенции – профессора П.Н. Милюков, П.Г. Виноградов, А.А. Чупров, врач А.И. Шингарев, юрист В.А. Маклаков и др. Многие из них позже вошли в круг его добрых знакомых и друзей.

Драма «кровавого воскресенья» в Петербурге потрясла Брока, как многих у него на родине. «Хотя не имею на это права, – писал он по горячим следам, – но под влиянием долголетних связей, с юных лет – с Россией, невольно считаю себя “русским гражданином”! Поэтому страдаю с Вами во время таких событий»¹⁹.

Будучи не только человеком принципов и убеждений, но и человеком дела, Брок старался и советом, и своей практической поддержкой либеральной общественности хотя бы в небольшой степени влиять на ход событий в России, во взглядах на будущее которой он был стойким оптимистом. «Старый режим» обречен и должен пасть. Калейдоскопическая смена драматических событий в России увлекла Брока. «Слежу по возможности, – писал он Шахматову, – ...а как интересно было бы следить теперь за развитием на местах! Могу почти завидовать нашему новому посланнику, который в эти дни уедет в Санкт-Петербург»²⁰.

По мнению Брока, освободительному движению следовало взять ближайшим программным лозунгом «полный *habeas corpus* – свобода совести, слова, собраний»²¹. Кроме того, он считал эффективным тактическим инструментом либералов в их борьбе с властью и получения

от нее после создания Думы дальнейших уступок борьбу за бюджет. «Здесь теперь [в Норвегии. – В.К.], – писал он, – с любопытством смотрят на финансовое положение России. Нет сомнений, что в нем-то и нужно либеральным силам искать самых надежных боевых средств против *L'ancien regime*»²².

Когда революция пошла на спад, Брок в политической реакции и стремлении правительства отнять вынужденные уступки, пронизательно усмотрел семена будущей грозы, новой волны насилий и угрозу радикализации общественного движения. «Как высшая власть, – восклицал он в письме с недоумением, – может быть так слепа и не видит, что время возвращения к старому режиму раз навсегда прошло?»²³

В период политической реакции, следовавшей за поражением революции, Брок стремился поддержать П.Н. Милюкова (и близких ему по духу кадетов), о чем доверительно просил совета у Шахматова. Пользуясь личными связями в секретариате норвежского Нобелевского комитета, он намеревался предложить Милюкову участие в одной из престижных нобелевских публикаций. «Хотя это дело само по себе незначительно, – писал он, – но с ним соединяется почет. Вот почему я хотел найти выдающегося русского ученого, для которого такой “почетик” был бы полезен. <...> У меня притом маленький расчет. С великой скорбью вижу, как Милюкова как будто выживают из русской политической жизни»²⁴. Согласие лидера кадетов было получено, и оно обрадовало Брока. Он рассматривал этот успех как услугу лично им оказанную России.

В декабре 1909 года Петербург посетил близкий друг Брока – известный норвежский общественный и политический деятель Кристиан Ланге, который занимал пост Генерального секретаря Бюро межпарламентского союза в Брюсселе²⁵. Брок постарался свести его с А.А. Шахматовым, чтобы при посредничестве последнего помочь Ланге установить связи с представителями русской либеральной оппозиции и привлечь ее к работе европейских межпарламентских учреждений²⁶.

У себя в Норвегии Брок остро переживал оторванность от крупных центров славистики и в первую очередь от России. Заметен ли его научный вклад, востребован ли он, будет ли оценен по достоинству? «Вот какие мысли, – писал он, – нередко сжимают сердце далекого пустынноика, которому лишь изредка приходится говорить с братьями по науке»²⁷. Скромное профессорское жалование не позволяло ему часто посещать Россию, чтобы поддерживать и научные связи, и свою языковую практику. Именно поэтому Брок так высоко ценил любую возможность общения с русскими людьми, кто приезжал в Норвегию по делам или работал здесь постоянно. В 1906 он пишет: «Играл здесь Орленев с труппой – великое наслаждение!»²⁸. В 1911 году на 200-летнем юбилее родного университета Брок тепло приветствовал представителя российской науки – академика Ф.Н. Чернышёва. В 1912 году он вел занятия с группой народных учительниц, поездку которых в Христианию организовали петербургские Нобели.

Но особое внимание Брок обращал на русских дипломатов. Еще в 1890-х он подружился с В.А. Березниковым, связь с которым не прерывалась до революции 1917 года (консулом в Финнмарке, позже вице-директором второго департамента МИДа)²⁹. Новые возможности открылись в ноябре 1905 года. Тогда в норвежской столице впервые появилась самостоятельная русская дипломатическая миссия, с сотрудниками которой Брок старался поддерживать дружеские отношения. Завязать их ему удалось, однако, не сразу.

Пожалуй, менее всего это получалось в первый период, когда пост посланника занимал А.Н. Крупенский (1905–1912). Какие обстоятельства этому помешали? Быть может, у Брока-слависта вызывало недоумение и отторжение обилие среди царских дипломатов носителей немецких фамилий. А может быть, несимпатичной показалась личность самого Крупенского с его манерами сноба и аристократа. В письме Шахматову Брок писал: «Если бы Вы были влиятельным лицом в русском МИДе,

я бы обратил Ваше внимание на русское представительство в Норвегии и особенно на посланника здесь в Христиании. Лично не знаю его. Говорил с ним один только раз. Может быть, что он собственно “порядочное лицо”. Но для того, кто любит Россию и желает самых лучших отношений... не особенно приятно, что в здешнем русском представительстве пока нет ни одного русского человека. Что главный представитель производит впечатление – скажем... неожиданное»³⁰.

В 1910–1911 годах отношения Брока с русской миссией складывались особенно неблагоприятно на общем фоне дипломатических осложнений. Его контакты с русской миссией оказались фактически заморожены. Поводом послужили незаконные промыслы норвежских зверобоев на Новой Земле. Союз шкиперов Тромсё публично заявил, что считает северный остров Новоземельского архипелага «ничейной землей». В ответ российская дипломатическая миссия заявила правительству Норвегии официальный протест. Николай II распорядился при необходимости силой выдворить браконьеров с русской территории. Суворинское «Новое время» опубликовало серию алармистских статей и заметок, которые вызвали в Норвегии болезненную реакцию. И неудивительно, ведь их главная идея была такова: норвежцы лелеют враждебные России планы – ни более, ни менее, как захвата Русского Севера и его природных богатств.

Брок перевел содержание этих публикаций для местной газеты на норвежский язык со своими комментариями. Как патриот, он горячо (и не всегда объективно) пытался защитить своих соотечественников от незаслуженных, по его мнению, нападок русской националистической печати. В целом ситуацию тех лет современный норвежский историк характеризовал как первый в истории двусторонних отношений «дипломатический кризис»³¹.

Последствия этого кризиса могли привести Брока к катастрофической для него потере научных и личных связей с российскими коллегами. Секретарь российской миссии в Христиании

И.Г. Лорис-Меликов пожаловался на него министру иностранных дел, как на якобы недоброжелателя России, скрывающегося под личиной ее друга. Вскоре после того Брок получил из России известие, что Лорис-Меликов старается «противодействовать его избранию в иностранные члены-корреспонденты» Императорской академии наук как избранию человека враждебного российским интересам. Взволнованный ученый бросился за заступничеством к А.А. Шахматову. Он просил руководителей Академии защитить его доброе имя от несправедливых нападок³². В конце концов, русские друзья Брока в борьбе за его реабилитацию взяли верх. В декабре 1912 года он с ликованием сообщил Шахматову, что «некое высокопоставленное лицо в российском МИДе» распорядилось, чтобы «русская дипломатическая миссия в Христиании не относилась столь недружелюбно к здешнему профессору славянских языков, как это бывало раньше»³³.

Кто именно сыграл такую положительную роль – пока выяснить не удалось. Но сам Брок тогда же ощутил насущную потребность безотлагательно совершить новую поездку в Россию, чтобы укрепить свое сотрудничество с Академией наук и возобновить старые связи. Задуманная поездка состоялась летом 1912 года. Она сопровождалась задачей провести полевые исследования «мосальских говоров» в Смоленской губернии. Результаты этой научной работы спустя время были опубликованы³⁴.

К этому времени российскую миссию в Христиании возглавил новый посланник – Сергей Васильевич Арсеньев, с которым Броку вскоре посчастливилось установить искренние дружеские отношения. Посланник и его жена, Екатерина Васильевна (урожденная Шеншина), а также сыновья – студенты (Николай и Юрий) отличались незаурядной образованностью и высокими культурными запросами. Семья посланника снискала симпатию демократически настроенного норвежца искренним радушием и простотой обращения. Они оказались совершенно лишены отталкивающей чопорности и сословного высокомерия, что внушало Броку сильную неприязнь.

Еще более С.В. Арсеньева и Брока сблизили научные интересы. Вот что писал Брок о своих новых друзьях в декабре 1913 года Шахматову: «В семье нынешнего русского посланника в Христиании мы с женой нашли весьма приятных русских знакомых – москвичей Арсеньевых. Очень радуемся этому! Сын, который очень часто бывал у нас летом, прекрасный молодой человек, сейчас сдает магистерский экзамен в Москве у Щепкина. Через него я послал личный поклон и статейку Коршу. Если молодой Арсеньев поедет в Петербург, я его попросил непременно зайти к Вам... Он действительно из необычайно симпатичных молодых»³⁵.

С началом Мировой войны дружбу Брока с Арсеньевыми скрепили союзные отношения России с западными демократиями. Брок искренне сочувствовал несчастью, которое постигло семью посланника. Младший сын Арсеньевых, Юрий, студент Московского университета, добровольцем ушел на фронт, а в начале 1915-го уже оказался в германском лагере для военнопленных. Брок приложил все усилия и через посредничество немецкого профессора Шредера сумел выяснить его местонахождение, что облегчило оказание молодому человеку помощи.

С августа 1914-го Брок добровольно принял на себя гуманитарную миссию. Он стал играть роль своего рода «мостика», соединявшего ученых-славистов России, Австро-Венгрии и Германии, чьи академические и дружеские отношения так резко оборвала война. Он, будучи гражданином нейтральной Норвегии, стал как бы волонтером «Красного Креста ученых-славистов». Его заботой стало помогать друзьям и коллегам в воюющих государствах разыскивать оказавшихся в военном плену родственников и оказывать им помощь. Он неустанно выполнял многочисленные просьбы о помощи знакомых и незнакомых ему людей, оказавшихся по воле военных обстоятельств в нужде, пересылал как посредник книги, деньги и продукты. Однажды, чтобы добиться разрешения на посылку хлеба, запрещенного с декабря 1915 года к вывозу из Норвегии, Брок получил личное разрешение

у председателя правительства Гуннара Кнудсена. Его письма А.А. Шахматову служили и обмену научными новостями. Слависты даже в военные годы не прекращали исследования и публикации.

Поскольку действовала военная цензура, Брок в письмах почти не касался политики, предпочитая наиболее «деликатные» сведения передавать с оказией, через лиц, которым доверял и которые по его просьбе лично посещали А.А. Шахматова. Среди них были сын русского посланника Николай, прикомандированный к русской миссии студент Петроградского политехнического института П.Н. Савицкий (будущий основатель Евразийства), лидер кадетов и думский депутат П.Н. Милюков, вице-директор департамента МИД В.А. Березников и многие другие, с кем у Брока ранее установились близкие отношения.

Важнейшей вехой в биографии и судьбе Брока стало его знакомство с видным дипломатом К.Н. Гулькевичем, который в апреле 1916 сменил Арсеньева на посту русского посланника в Христиании. Брок с этого времени с увлечением включился в «русское дело в Норвегии». Так Гулькевич именовал новую линию в политике МИДа, имевшую задачей реализацию мер долговременного политического и экономического сближения России с Норвегией. Речь шла не только о военном периоде, но и о послевоенной перспективе отношений двух соседних стран.

Взаимопониманию и дружбе Брока с Гулькевичем очень благоприятствовала близость их воззрений. Оба возлагали вину за развязывание войны на германский милитаризм и считали ее со стороны держав Соглашения оборонительной и справедливой. Оба симпатизировали кадетской партии («партии народной свободы») и ее лидеру П.Н. Милюкову. Оба разделяли взгляд российской либеральной оппозиция, которая надеялась, что союз с западными демократиями будет способствовать политической эволюции России в сторону конституционной монархии и парламентского строя. Оба горячо выступали за тесное и взаимовыгодное сближение двух

свободных народов³⁶. Иными словами, открывался путь к реализации самой заветной мечты Брока и цели его жизни. И в решении этой поистине исторической задачи, как он думал, заключено его настоящее призвание.

Гулькевич обладал немалым личным обаянием, что отмечали многие знакомые с ним люди. Он сумел доказать профессору близость их убеждений, подкупил Брока своей необычайной любезностью и предупредительностью. Благодаря содействию посланника письма Брока теперь пересылались из России через МИД и русскую миссию в столице Норвегии, минуя почту. Из Христиании эти письма уже давно переправлялись через посредство норвежского МИДа и норвежскую миссию в Петрограде. К.Н. Гулькевич при содействии П.Н. Милюкова (но без ведома самого Брока) приложил усилия, чтобы ускорить избрание норвежского профессора членом-корреспондентом Императорской академии наук. И преуспел в этом, чем, правда, чуть не поссорил Брока с Шахматовым.

Результаты их сближения не заставили себя долго ждать. Брок превратился в бескорыстного и верного помощника русского посланника, а затем стал и его близким другом на многие годы вперед. По просьбе Гулькевича он неоднократно переводил для норвежских газет полезные для имиджа России материалы³⁷. Именно Брок вместе с К.Н. Гулькевичем организовали в сентябре 1916 года лекцию П.Н. Милюкова для студентов столичного университета. Текст ее затем опубликовал близкий Броку издатель литературно-политического журнала «*Samtiden*» Герхард Гран. Когда в мае 1917 П.Н. Савицкий покинул Христианию и вернулся в Петроград, чтобы закончить обучение в политехническом институте, Брок заменил его в роли норвежского корреспондента Петроградского телеграфного агентства. В этом качестве он отправлял новостные телеграммы в Россию вплоть до конца 1917 года.

Февральскую революцию 1917 года оба – Брок и Гулькевич – встретили с энтузиазмом. Брок писал в эти дни Шахматову, что события в России вызвали у него «восторг и радость»,

а «в Норвегии они возбудили чувство какой-то умственной весны...»³⁸. Однако последующее политическое развитие повергло ученого в растерянность и уныние, а Октябрьский переворот знаменовал крушение его надежд. «Я больше ничего не понимаю, – писал он в декабре. – Куда денется та “свобода”, которая как будто уже была установлена! ...Мысль о бедной России сжимает мне сердце»³⁹.

В период гражданской войны надежда Брока на некоторое время возродилась. Она оказалась связана с антибольшевистскими силами. Гулькевич (с мая 1917 года посланник в Стокгольме) стал одним из руководителей «Белого дела» за пределами России, помогая всеми силами Колчаку, Юденичу и Миллеру. Брок в это время из гуманных побуждений и, откликаясь на просьбы Гулькевича, помог без преувеличения сотням беженцев из России, спасавшихся от революции. При этом для него не имел значения их социальный статус или политические взгляды: среди них были аристократы, ученые, политики, журналисты, военные и обыкновенные обыватели⁴⁰.

Демократизм и гуманизм убеждений Брока не позволили ему поддержать блокаду вооруженными силами Юденича и Антанты большевистского Петрограда, население которого (в том числе и его друзья-ученые) жестоко страдало от голода. Он совместно с Ф. Нансеном выступил в 1919 году с идеей немедленно направить в город пароходы с продовольствием, чтобы успеть спасти как можно больше людей. Все для этого, судя по переписке, было готово. Но с проектом не пожелали согласиться ни Гулькевич, ни и другие вожди Белой дипломатии, ни, самое главное, Великобритания. Тогда же Брок и Нансен публично выступили против не только Красного, но и Белого террора и осудили действия карательных отрядов адмирала Колчака в Сибири и бессудных расправ Белого правительства на Севере.

Все это бурное время Брок остро переживал за судьбу своего друга А.А. Шахматова, его родных и близких. «Живем в постоянной мысли и страхе: как поживаете Вы и все Ваши? –

писал он. – Не откажите сообщить»⁴¹. Летом 1918-го Брок предложил своему русскому учителю переехать к нему. «Может, что окажется Вам трудным не только работать. – Кто может работать над наукой в такое время! – Но просто питать себя и семью. Если Вы разделяете мой взгляд, то прошу не забыть, что есть у Вас друг (и друзья – со мною Нина Ивановна!), не забывающие все то, что Вы и Ваши оказали ему в былые времена. Дайте в случае знать, я выхлопочу – уверен в том – разрешение переехать сюда. А то, что мы имеем, будем делить с Вами, пробавляясь, таким образом, до лучших дней»⁴². Все последующие месяцы он с помощью Гулькевича настойчиво добивался наладить доставку продуктов семье академика в осажденный «белыми» Петроград.

В 1920 году близкая катастрофа «Белого движения» была уже очевидна. Брок оказал Гулькевичу в этот момент важную услугу – помог в ожидании скорого признания шведским правительством Советской России вывезти несколько тонн золота (из средств российского казначейства?). Эта загадочная история, неизвестная исследователям, имеет документальные подтверждения в бумагах Брока. Его конкретную роль в этой, по сути, детективной операции еще предстоит выяснить. Если, конечно, это еще представляется возможным.

В последующие годы именно Олаф Брок рекомендовал Ф. Нансену кандидатуру К.Н. Гулькевича на роль советника Верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев.

Таким образом, фигура Олафа Брока, искреннего друга России, представляется весьма значительной и до сих пор недооцененной. В истории русско-норвежских научных, культурных и общественных связей начала XX века, он сыграл видную роль не только как ученый-славист, популяризатор русского языка и литературы, но и как активный общественный деятель, демократ и гуманист (при всех его противоречиях и некоторой ограниченности). Потому, на наш взгляд, он и заслуживает общей памяти и дальнейших исследований историков.

Примечания

- ¹Олаф Брок (норв. Broch Olaf; 4 августа 1867, Хортен, Норвегия – 28 января 1961, Осло, Норвегия).
- ²Mathiassen, Terje, Kjetsaa, Geir. A centenary of Slavic studies in Norway // The Olaf Broch Symposium, Oslo 12–14 September 1996: papers (1998).
- ³Русско-норвежский словарь / сост. А. Кошкин. Архангельск, 1912. С. III–VI. «Заметки о норвежском произношении», проф. О. Брок, Христиания.
- ⁴Орден Святого Станислава – орден Российской Империи с 1831 до 1917 года. Самый младший по старшинству в иерархии государственных наград, главным образом для отличия чиновников.
- ⁵СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 147.
- ⁶Российская академия наук. Список членов Академии. 1724–1999. М., 1999.
- ⁷СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 441об.
- ⁸Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 210–213. В феврале 1948 года в Чехословакии имели место острая политическая борьба и правительственный кризис, в результате которых упрочилось влияние коммунистической партии. Она сохранила ведущие позиции в правительстве, возглавляемом Клементом Готвальдом.
- ⁹СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186.
- ¹⁰NViO. Brevs. № 337 (Olaf Broch).
- ¹¹РНБ ОР Ф. 346. Алексей Александрович Шахматов. Д. 13. Л. 1. (Из воспоминаний об А.А. Шахматове).
- ¹²Norsk biografisk leksikon (NB)L.
- ¹³СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186.
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵Там же.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Там же.
- ¹⁹Там же.
- ²⁰Имелся в виду назначенный в Петербург норвежским посланником Николай Пребенсен.
- ²¹Habeas corpus (лат.) – понятие английского права, которым гарантировалась личная свобода. Любой задержанный человек (или другой человек от его имени) может подать прошение о выдаче постановления *habeas corpus*, имеющего силу судебного предписания, которым повелевается доставить задержанного человека в суд вместе с доказательствами законности задержания. Фактически этим устанавливается неприкосновенность личности личной свободы // СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 227 (8 апр. / 26 марта 1906).
- ²²Там же. Л. 230.
- ²³Там же.
- ²⁴Там же. Л. 252.
- ²⁵Кристиан Лоус Ланге (норв. Christian Lous Lange, 1869–1938) – норвежский историк, политолог и преподаватель. Участник международного межпарламентского сотрудничества.
- ²⁶СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 271–271об.
- ²⁷СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 283–283об.
- ²⁸Орленев Павел Николаевич (1869–1932) – русский драматический актер известный исполнением на сцене ролей в драмах Г. Ибсена.
- ²⁹Березников Владимир Александрович (1861–1918) – российский консул в Финнмарке (Норвегия) в 1893–1900 годах, генеральный консул в Стокгольме в 1900–1907 годах, Вице-директор Департамента внутренних сношений (Второй департамент) МИД, член комиссии по градусным измерениям на Шпицбергене.
- ³⁰СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 293об. – 294.
- ³¹Нильсен Й.Пр. Новая Земля – «ничейная» земля? // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсё, 1996. С. 4–17.
- ³²СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 301–304.
- ³³Там же. Л. 320.
- ³⁴Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- ³⁵СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 332.

³⁶Интересная попытка обосновать сближение с точки зрения геоэкономической была разработана в аналитической записке помощника К.Н. Гулькевича, талантливого молодого ученого-экономиста П.Н. Савицкого.

³⁷В частности, статью П.А. Кропоткина, где автор – известный леворадикальными и демократическими взглядами – защищал справедливый, оборонительный для Антанты и России характер войны.

³⁸СПб Ф АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 438 и 438об.

³⁹Там же. Л. 439 и 439об.

⁴⁰NBiO. Brevs. № 337 (Olaf Broch).

⁴¹Там же. Л. 439об.

⁴²Там же. Л. 441–441об.

Karelin Vladimir Anatolyevich

Murmansk Institute of Economics, Branch of Saint-Petersburg University of Management and Economics (Murmansk, Russia)

**PROFESSOR OLAF BROCH – AN “AGENT” OF RUSSIAN INFLUENCE IN NORWAY?
(A GLIMPSE OF THE RUSSIAN-NORWEGIAN CULTURAL AND SOCIOPOLITICAL
RELATIONS IN THE EARLY 20TH CENTURY)**

The article deals with unknown facts of the Russian-Norwegian sociopolitical relations in the early 20th century, connected with professor of Slavic languages Olaf Broch. The author finds out that Olaf Broch had a close cooperation with the Russian liberal movement (particularly, with P.N. Milyukov) and assisted Konstantin Gulkevich, Russian envoy to Christiania, in trying to influence Norway's public opinion in favour of Russia during World War I.

Keywords: *history of Russian-Norwegian relations; cultural, academic and sociopolitical ties in the early 20th century; World War I; Russian Revolution.*

*Контактная информация:
e-mail: karelin_vladimir@mail.ru*

Рецензент – *Репневский А.В.*, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, директор института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова